

О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Однажды мудрый Юрий Владимирович Андропов, поднявшийся в финале своей богатой событиями жизни из недр советских спецслужб на высший партийный и государственный пост генсека, сказал: "Мы не знаем общества, в котором живем". С тех пор утекло много воды, казалось бы кардинально изменился общественный строй, распался Советский Союз и весь "соцлагерь", но прошлое не отпускает – общество, которое сформировало всех нас и которое мы так и не познали, продолжает жить внутри нас. Все постсоветские государства, бывшие советские республики, продолжают оставаться его осколками, между которыми остаются мощные силы сцепления. Даже центробежные силы, отталкивающие нас друг от друга, в то же время единят нас, обнаруживая через все несходство культур, языков и политических амбиций поразительную структурную однотипность, общность порождающей матрицы. И это предвещает, несмотря ни на что, неизбежную реинтеграцию великой евразийской общности народов. И вмешательство могущественных внешних сил, осложняя ход этого процесса, в конечном счете лишь подталкивает его. Неправда, что история не учит того, кто желает учиться, она учит очень даже эффективно. Можно даже сказать, что все великие исторические события были совершены людьми, хорошо учившими историю, а самые потрясающие провалы всегда неразрывно связаны с историческим невежеством...

Пусть несогласные попробуют опровергнуть эти утверждения. Но долги надо платить, слова Андропова остаются в силе. Чтобы извлечь уроки из прошлого, чтобы научиться у истории, ее надо знать. Мы должны в конце концов познать, что же это было такое – советское общество, каково его истинное место в истории человеческой цивилизации, какие уроки оно преподало человечеству? "Империя зла" – или величественная попытка созидания "земного рая" для всех людей? Ведь противостоявшее соцлагерю общество отнюдь не было "империей добра", преступления творили обе противоборствовавшие стороны, и будет ли когда-нибудь подсчитано – кто больше? Поражение социалистической системы в экономическом соревновании не устранило противоречий, раздирающих мир. И сняв одни, породило другие не менее острые. В этом взбаламученном мире надо жить, найти свое место и отстаивать свои интересы каждой стране, каждому народу. И без компаса исторического знания верного курса не проложить.

Для Республики Беларусь советская история имеет особое значение, для нас – это эпоха национального и государственного становления. Кто и как бы не относился к этим процессам, но они стали фактом, данностью, с которой придется считаться. Реальное белорусское государство появилось на карте мира как советская социалистическая республика и стало результатом революционных процессов в Российской империи. И внешние по отношению к Беларуси силы в этих процессах безусловно доминировали над внутренними. Впрочем, на перекрестке цивилизаций, культур и политических границ, определенных Богом на

нашу долю, так было всегда... И это тоже данность, не считаться с которой невозможно. У нас такая история, какая была, она свершилась и ее не переделать. Хотя не редуют ряды "улучшателей" родной истории – эту публику история ничему не учит, посему ничего, кроме очередного провала, ее и не ожидает. Мы же, следуя завету великого историка Леопольда Ранке, постараемся понять и принять все, что было на самом деле.

При этом мы исходим из следующих основных положений.

- Исторический процесс непрерывен, и советская эпоха не некий "тупик", "зигзаг" и т.д., а закономерный этап нашей трудной трагической истории.
- Порывая с дореволюционным прошлым, советская эпоха, в то же время, продолжала его, сохраняла неразрывную преемственность с ним.
- В человеческой истории новое почти всегда хорошо забытое старое. Научно некорректно переносить категории научно-технического прогресса на процессы социокультурные, тем более на духовно-нравственные. Здесь скорее правы библейские мудрецы, утверждавшие, что ничто не ново под Солнцем... Всему, что совершается в этих сферах, можно отыскать прототипы в прошлом. И вообще природа человека изменяется куда медленнее, чем им же созданная техносфера, и это одно из острых противоречий нашего времени. Из всех заблуждений коммунистической утопии самой утопической оказалась надежда воспитать "нового человека". Впрочем, и здесь идеологи коммунизма не изобрели ничего нового – к этому же тщетно стремились и "титаны Возрождения", и философы "века Просвещения". Итог один – великое разочарование. Мы живем в эпоху очередного великого разочарования, и это не следует упускать из вида.
- И все же ничего не проходит бесследно. Ни одна эпоха не состоит из одних ошибок, заблуждений, преступлений, хотя ни одна без них и не обходится. Наследство советской эпохи содержит и немало позитивных свершений. Эпоха разочарования неизбежно сменится эпохой новых надежд. И не дай Бог нам в очередной раз выплеснуть из корыта вместе с грязной водой и младенца новорожденной белорусской государственности. Да, этот младенец советского происхождения. В сложившейся исторической ситуации он и не мог быть иным. То, что представляется национальным романтикам как альтернатива – Белорусская народная республика – осталось на эмбриональном уровне и завершилось жалким коллаборантским выкидышем...
- Советская эпоха стала эпохой перехода традиционного общества, каковым в своей основе оставалась Российская империя, в индустриальную фазу развития. Перехода, совершавшегося в чрезвычайных – форс-мажорных – условиях. Страна в очередной раз прошла по краю пропасти, по грани бытия и небытия, когда катастрофа казалась неизбежной. И в очередной раз поразила мир, превратившись в одну из двух сверхдержав, на полвека обеспечивших мировое равновесие именно тогда, когда технический прогресс привел человечество на порог самоуничтожения. Это воистину планетарное свершение, навсегда запечатленное в истории. Вклад Беларуси в это свершение оказался очень весомым, ей есть чем гордиться перед лицом всего человеческого сообщества.
- Но история за все требует плату: ничего и никому она не дает даром, и все имеет свою цену. Цена советских свершений оказалась страшно высокой. Голод, холод, каторжный труд, наконец, многие миллионы загубленных жизней соотечественников – все это с избытком выпало на долю советских народов. И белорусы – вечный западный щит России – были среди

наиболее пострадавших. Забывать об этом мы не имеем права. Но не имеем права сводить к потерям и жертвам всю великую историю страны, как это пытаются представить теперь некоторые “прогрессисты”. Надо помнить и о том, как вымирали от голода целые губернии в царской России, в то время как корабли, с задешево продаваемым на Запад хлебом, отчаливали от русских портов, и массовую безграмотность и повальное пьянство, и многое еще... С другой стороны, эти самые “прогрессисты” и “демократы”, придя к власти, побили все рекорды циничной лжи, безудержного казнокрадства, пренебрежения жизненными интересами собственного народа. Дорого стоила народу советская власть. Власть же пришедших ей на смену нуворишей обходится едва ли еще не дороже...

- И в этих мучительных катаклизмах история Беларуси опять выделяется, по счастью, уже в другую сторону – переход к новому общественному укладу в ней совершается тоже мучительно, но все же гораздо мягче, последовательнее, без “шоковых” перегибов, с меньшими потерями, чем в большинстве регионов великой страны. И это заслуга мудрого, рассудительно-народного Беларуси и его политического руководства, сумевшего удержать многие достижения советской эпохи.

В заключение этого краткого предисловия надо коснуться проблемы тоталитарного характера советского общества. Обвинения в “тоталитаризме” превратились в своеобразный штамп, клеймо, обозначающее целую эпоху. Попробуем определиться.

Под “тоталитаризмом” обычно понимается система всеобъемлющего контроля над всеми сторонами жизнедеятельности личности, до минимума ограничивающая ее свободу. Контроль юридический, экономический, социально-политический, идеологический, духовно-нравственный... Контроль за общественной деятельностью и частной жизнью, вплоть до самых интимных ее проявлений. В этих представлениях изначально заключается большая доля лукавства. Действительно, любая власть, даже самая демократическая по конструкции, стремится к максимальному контролю за подвластными. Идеалом демократии на все времена стала афинская демократия в древней Греции, реально обеспечивавшая всем свободным гражданам, независимо от их состояния, действительное участие в управлении обществом. И разве это не афиняне всеобщим голосованием присудили к смерти великого Сократа – не за уголовное преступление, а за инакомыслие, в чем впоследствии и покаялись... А подвиги пресловутой “комиссии по расследованию антиамериканской деятельности” сенатора Маккарти в демократических США вполне сопоставимы с деяниями сталинского НКВД. И подобные примеры найдутся в истории любой страны, независимо от ее политического строя. С другой стороны, абсолютный – тотальный – контроль за личностью невозможен даже в тюрьме, разве что в “психушке”, но там человек просто вообще перестает быть личностью. Наконец, решающее значение имеют не провозглашенные, даже на высшем законодательном уровне, нормы, а сложившаяся в данном социуме практика их применения. Известная русская присказка: “закон, что дышло...” актуальна не только для России. “Нарисовано в меню, а в натуре нету...” – сказал поэт. Конституция СССР 1936 г. и сегодня выдерживает экспертизу на демократичность, но что творилось под ее сенью мы хорошо помним. Контроль власти над обществом может осуществляться в разных формах – от грубого насилия, подкупа, лести, до искусного манипулирования людьми, просто незамечаемого многими и не догадывающимися, что ими манипулируют, что они выполняют роль марионеток в руках дергающей за ниточки власти. Но неизменным остается одно – как только возникает серьезная угроза интересам

господствующих в данном обществе сил, они не останавливаются ни перед чем для их защиты. Все красивые слова о свободе и демократии отбрасываются прочь как ненужная ветошь, и правит бал прямое – тотальное – насилие по принципу: кто кого. Исключений история не знает.

Советская эпоха унаследовала от старой России очень своеобразное, противоречивое отношение к власти, очень специфическую политическую культуру. С одной стороны, национальная государственная власть воспринималась как высшая ценность, как олицетворение независимости страны, в многовековой борьбе за которую и оформился российский социум. Национальная ментальность категорически отвергает иноземную власть и в то же время фетиширует отечественную, проявляя к ней поражающую иностранцев терпимость. С другой стороны, все иностранные наблюдатели единодушно отмечали анархические наклонности россиян, понимание ими свободы как воли, их недостаточную, с европейской точки зрения, законопослушность, сопротивление всякому ограничению внутренней свободы, непокорность. К этому следует добавить устойчивое стремление к персонификации власти в личности правителя (как его не называли в разные времена – великим князем, царем, генсеком, президентом и т.д. – дело не в титуле). За пределами местной общины российская власть – это, прежде всего, правитель – не институт, а лицо. Уже это само по себе исключало тотальный контроль над личностью в нашей стране, пока она остается сама собой. Если к этому добавить необъятные пространства, плохую связь и систему сообщений, тяжелые природно-климатические условия, то становится ясным, что советский тоталитаризм во многом миф, сочиненный в ходе политических и – как все более обозначается – межцивилизационных противостояний Восток – Запад. Конечно, и политический террор, и полицейский контроль временами, как говорится, зашкаливали, что, впрочем, случалось и в истории других государств, в том числе и демократических, не являются исключительно российским явлением. Своеобразие российским проявлениям тоталитаризма придают прежде всего два фактора, определявших советский строй. Во-первых, невиданное со времен древневосточных деспотий подавление экономической свободы населения, тотальное огосударствление всего народного хозяйства, что и именовалось построением социализма и коммунизма. Все остальные формы хозяйственной активности оказались в подполье и трактовались как уголовные преступления. В стране, по существу, возрождалась система внеэкономического принуждения к труду, характерная для добуржуазной эпохи. Подобного в XX веке другие страны европейской цивилизации не знали. Даже страны, втянутые в соцлагерь, сохранили экономическую многоукладность. В России это стало возможным, во многом, благодаря ее исторической традиции – не изжитой общинности и постоянному наличию громадного, небуржуазного по своей природе, казенного хозяйства, системе постоянного государственного административного вмешательства в экономику. Во-вторых, утвердилось тотальное господство марксистско-ленинской идеологии, выступавшей, по существу, в качестве новой непрекращаемой религии, малейшие отступления от догматической системы которой трактовались как ересь, подлежащая беспощадному искоренению – вплоть до физического устранения инакомыслящих. Новая религия выступала в личине материалистической науки, а исторической религии была объявлена беспощадная война. Еще один парадокс – новая слепая вера выступала под флагом богочестства. Коммунистическая партия Советского Союза выступала не только как единственная допускаемая политическая партия, но и как своеобразная неотократия, пародийная марксистско-ленинская церковь, хранительница новой веры со своей идеологической иерархией, пронизывавшей весь общественный

организм и скрепленной жесткой репрессивной дисциплиной. И здесь традиция неразделения сакрального и светского в государственном организме подспудно, не всегда осознанно, тяготела над общественным сознанием страны, сближая исторически православную Россию скорее с исламом, чем с западным христианством, с его традиционным разделением церковной и светской власти. Определенное сходство наблюдается с практикой национал-социализма в фашистской Германии, но и там, хотя и притесняли историческую церковь, на путь прямого богоборчества вступить не пытались. Не пытались в масштабах всего общества превратить фашистскую партию в некую псевдоцерковь, хотя проявления идеологического тоталитаризма – и в самых крайних формах – насаждались при молчаливом принятии этого немецкой общественностью, следует заметить, что отвечало определенным традициям германской истории, где со времен религиозных войн XVI – XVII вв. утвердился принцип – “чья власть, того и вера”.

Как видим, корни советского тоталитаризма уходят в историю старой России, возникли отнюдь не на пустом месте. Как и все, что возникает в этом мире.

Характеристика советского общества будет неполной, если не коснуться еще некоторых важных обстоятельств, мистифицирующих его сущность.

- Советская эпоха провозглашала создание социально однородного бесклассового общества. Эта утопия противоречила всеобщему закону развития всего сущего: прогресс сопровождается усложнением структуры; регресс – упрощением, деградацией сложных структур. На деле живое развитие конечно же усложняло, а не упрощало структуру советского общества, но на это закрывали глаза – реальная социальная структура не исследовалась. Провозглашалась примитивная догма о том, что советское общество слагалось из двух дружеских классов – рабочего класса, якобы ведущей силы общества, и колхозного крестьянства с “прослойкой” народной интеллигенции между ними. Утверждалось, что общественное развитие ведет к стиранию межклассовых граней и слиянию всего общества в социально-однородный советский народ, в пределах которого и происходит стремящееся к полному слиянию сближение всех наций и народностей страны. В советскую эпоху происходило своеобразное расщепление мира. С одной стороны, мир чаемый, декларируемый в соответствии с догмами коммунистической утопии, который выдавался за якобы уже сущий. Иллюзорный мир, где человек человеку “друг, товарищ и брат”, мир, творимый громадной пропагандистской машиной, в том числе и средствами государственно-спонсируемого искусства. (И только такое искусство легально допускалось жесткой идеологической цензурой). Зло не было присуще этому миру, у него были лишь “отдельные недостатки”, частично списываемые на “пережитки прошлого” или на “тлетворное влияние Запада”. С другой стороны, мир реальный, где все было не так. Нет, добро было присуще и этому миру, но здесь оно редко торжествовало. На поверхности, как и всюду, шла борьба за жизнь, здесь воровали, лгали, предавали, спивались и исподтишка “диссидентствовали” на кухнях, здесь накапливались подспудные социальные противоречия, нарастали межнациональная вражда и сепаратистские тенденции на окраинах. Таким образом, существуя в разных плоскостях, оба мира парадоксально проникали друг в друга: мир утопии разъедался проникающим в его среду цинизмом, разочарованием и безверием, а в реальный мир просачивалось утопическое прекраснотушие, ни на чем не основанные надежды, так созвучные с пресловутым российским “авось” – авось образуется, чем черт не шутит... А вдруг и не все врет пропаганда. И исконно присущие российскому харак-

теру непреклонность и терпение, великодушие и щедрость, мужество и незлобивость начинали трактовать как якобы черты рождения "нового человека коммунистической эры". И великую победу в Отечественной войне приписывали не исторически, веками сформировавшейся патриотической доминанте национального характера, а прежде всего новому общественному строю, направляющей и вдохновляющей роли коммунистической партии... (Конечно же, оговоримся, тотальное огосударствление и централизация экономики содействовали мобилизации сил страны в чрезвычайных обстоятельствах, и коммунисты действительно были в первых рядах борцов, но без патриотической самоотверженности всего народа, в первую очередь, победа была бы немыслима.). Ничто не ново под Солнцем, повторимся. Коммунисты и в этом случае ничего не изобрели. Идеализация, приукрашивание общественных порядков в интересах господствующих в данном обществе групп была всегда и везде. Коммунисты лишь довели эту идеализацию почти до предела, до удвоения мира, довели эти процессы до абсурда, до своеобразной социальной шизофрении. И, в конце концов, до неизбежного самоотрицания.

- И тем не менее нельзя забывать – коммунистическая утопия явилась чрезвычайным ответом на исторический вызов, на социальную катастрофу, постигшую страну в начале века. В сложившейся ситуации это был едва ли не единственный способ ее выживания как целостного социума. Ибо остальной мир объективно был враждебен России, не понимал и боялся ее, стремился расчлениить и подчинить себе русский колосс. И не стеснялся в средствах. Приходится только поражаться, как в таких невероятно трудных обстоятельствах была создана оборонная экономика, способная противостать всему остальному цивилизованному миру, одержана победа в страшной войне, осуществлен прорыв в Космос, создана великая наука и достигнута всеобщая грамотность населения, обеспечены невиданные прежде социальные гарантии пусть скромного, зато всеобщего выживания. Ограничивались свободы личности, но гарантировалось рабочее место, прожиточный минимум и пенсия по старости. О многом из всего этого теперь, в постсоветский период, остается только мечтать.

Что же касается Беларуси, с ее традиционно низким жизненным уровнем населения, то здесь достижения советской власти были особенно впечатляющими – страна обрела собственную государственность и приближалась к средневропейскому уровню развития.

- Огосударствленная социалистическая экономика в условиях "холодной войны" проиграла соревнование с рыночной экономикой Запада. Непомерно громоздкий и жесткий механизм управления ею оказался лишенным потенциальности внутреннего саморазвития, подлинной соревновательности и экономических стимулов. Оказалось, что тяга человеческой природы к частной собственности в современных условиях непреодолима и все равно находит щели, как не заколачивай от нее двери и даже окна. По некоторым оценкам, к концу 80^х годов до трети всего экономического оборота в стране было нелегальным, подпольно-теневым... Энтузиазм, порожденный великой революцией и подогретый затем страшной войной, в обстановке мирных будней стал неумолимо затухать, вырождаться, началась деградация правящей верхушки общества, сращивание ее с дельцами теневого бизнеса. Никакие "железные занавесы" и "берлинские стены" не могли наглухо заблокировать соцлагерь от остального мира – сравнение было не в пользу социализма. Тем более, что Запад был обращен к

Востоку казовой, витринной стороной и умело скрывал собственные пороки: безработицу, “потогонную” систему труда, социальные контрасты, бездуховность и циничное манипулирование общественным мнением, гонку вооружений, военные авантюры в интересах воротил большого бизнеса и многое другое. Нет, не было земного рая и по ту сторону “железного занавеса”, но обыватель видел, прежде всего, скудные прилавки в своих магазинах и избыточные там, по этому прежде всего и судил... А достижения социализма воспринимались как нечто собою разумеющееся, как свет и воздух, и чтобы их оценить, надо было их лишиться. И вот теперь наступает отрезвление, медленно, но неумолимо. Возврат к государственному социализму невозможен, но невозможна в нашей стране и реставрация капитализма по западным образцам. Будущее за многоукладной рыночной экономикой с сильным государственным сектором и социальными гарантиями, как это было намечено еще в 20-е годы, в эпоху НЭПа.

- Итак, советскому обществу несомненно были присущи определенные признаки тоталитаризма. Но несомненно и то, что это было не основное отличие его от западных буржуазных обществ, где подобные проявления – пусть и в меньших масштабах – наблюдались также. Советское общество было воплощенной идеологической утопией. Воплощенной, потому что преобладающее большинство народа приняло эту утопию, поверило в нее, готово было ее защищать, отстаивало право на нее в ожесточенной борьбе с инакомыслящими. И пока эта вера держалась, держалось и само общество. И это общество стало принципиально новым, еще невиданным в Новое время историческим явлением. Советское общество отличалось от других европейских стран соцлагеря – там большинство населения воспринимало коммунистические порядки как навязанные извне, внутренне не принимало их, даже если и не оказывало активного сопротивления. Не было советской веры. И экономическая многоукладность, и политическая многопартийность там не были окончательно подавлены. Но как сказал поэт – и все же, все же, все же...

В чадной атмосфере буржуазного чистогана, выматывающей гонки за прибыль и потреблением, советский идеализм, бескорыстная вера в достижимость всеобщего счастья для всех людей земли, передовым отрядом борцов за какое-то почитали себя советские люди, все это было струей кислорода. Недаром идеализировала советское общество гуманистическая интеллигенция Запада, идеализировала и поддерживала, несмотря на страшные издержки, которые, при всем старании агитпропа, скрыть от мира было невозможно. И об этой стороне великой утопии забывать мы также не имеем права. Советская эпоха оставила после себя не только память о жертвах репрессий, как это кое-кому теперь представляется. Но утопия потому и утопия, что несбыточна, что не может оправдать связываемых с нею надежд. И разочарование было неизбежным, а с ним и конец самой утопии.

Такова, в самых общих чертах, основная характеристика советской эпохи, основные направления ее постижения, как они видятся в начале XXI века. Изучение их очень не простая задача, ибо большая часть того, что было написано и увидело свет в нашей стране по истории советской эпохи, находилось в плоскости идеологизированных, иллюзорных представлений в соответствии с догматикой господствующей идеологии. В соответствии с этими схемами подбирались и фактические материалы, значительная часть которых к тому же была явно фальсифицирована, выдавала за уже существующее только желаемое... В своем последнем выступлении Ф.Э.Дзержинский назвал советскую статистику “квалифици-

рованным враньем". Статистика – дама, не отличающаяся примерным поведением ни в какие времена и ни в каких странах, но в обстановке тоталитарного строя ее поведение становится совсем уже "легким". Советская статистика умела даже явные провалы выдавать за успехи. Это цифровые, количественные показатели, что же говорить о материалах повествовательного характера... Конечно, реальные потребности управления требовали данных хотя бы приближенных к истине, а это порождало двойную бухгалтерию – для публики и для служебного пользования, которая тщательно секретилась. Значительная часть этих документов закрыта от историков и поныне. В этом заключена первая большая трудность изучения советской эпохи. Вторая трудность заключена внутри нас. Мы все дети советской эпохи. Раздвоенная советская действительность породила раздвоение сознания в той или иной степени присущее всем нам, независимо от современных идейных предпочтений. На подсознательном уровне это присуще и нашим детям, выросшим в обстановке духовной сумятицы переходного периода. Мы живем в мире новой реальности, во многом оставаясь в плену реальности иллюзорной. Противоречие между наличным реальным и несуществующим в реальности, но якобы должным, заключено в самих нас. И всегда ли мы способны различить зыбкую грань между тем и другим? Призраки прошлого не спешат покидать наше сознание... Когда-то В.И. Ленин заметил, что писать историю современности удел не ученых-историков, а публицистов. В этом большая доля истины – нельзя разбирать голыми руками только что прогоревший костер, пока уголья не остыли. Во многих странах курс отечественной истории завершают периодом, предшествующим живущему поколению – остальное сфера текущей политики. Для научного осмысления истории необходима определенная временная дистанция – с пылу с жару только пирожки хороши... Будем это иметь в виду. История советской эпохи еще долго будет носить публицистический характер, и она просто не может быть иной – уголья еще не остыли. А где публицистика, там и неизбежная борьба мнений буквально обо всем, там неизбежные преувеличения и крайности – это процесс, а не итог.